ныне не умели пользоваться расположением умов: Фарта, comme un ambitieux взяла бы к себе и сделала своим защитником! Заметь, что делала здесь с восшествия» (стр. 303).

25 сентября 1789 г.: «О короле французском: «j'aimerai mieux le voir chassé de Versailles et enfermé à Metz. Тут бы дворянство к нему пристало» (стр. 310).

Данная формулировка довольно яспо выражает точку зрения Екатерины считавшей не выгодным для короля оставаться в Париже и вести переговоры с Генеральными штатами. Король с точки зрения Екатерины не поступал соответственно долгу пеограниченного правителя. Этим Екатерина склонна была объяснять недостаточную активность французского дворянства в первые дни революции.

В октябре 1789 г. Храновицкий снова записывает, на этот раз о герцоге Орлеанском: «Сказывали, что король французский имел особенное свидание avec le Duc d'Orléans, prémier prince du sang. Он (герцог) вышел бледен и поехал в Лондон». (стр. 314).

14 июля 1790 г.: «Замечание Е. в., что Дюка Орлеанского сделают правителем и корона не будет наследственной» (стр. 341).

В этих двух записях намечается подозрительное отношение к герцогу Орлеанскому. Придворные круги и реакционное дворянство в Европе, а потом и в России, склонны были объяснять чуть ли не самое возникновение революции происками герцога Орлеанского. Эта точка зрения находит свое воплощение и в европейской и в русской литературе. В 1799 году в Петербурге выходит в свет «Разговор Людовика XVI с французами в царстве мертвых», в котором неизвестный поэт устами Людовика XVI говорит герцогу Орлеанскому:

Да кто же главною виною Что ныне Франция горит Междуусобною войною И бед своих конца не зрит? Чей перст разрушил галлов счастье? Как плод сих страшных бед возрое? Кго распростер сие песчастье? Чинит Лудовик сей вопрос.

Герцог Орлеанский отвечает:

О, брат мой! Я сего причина